

Юана Фокс

**Ежевика Её светлости.
Средневековые сказки II**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Ф75

Фокс Ю.

Ежевика Её светлости. Средневековые сказки II / Фокс Ю. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 148 с.

ISBN 978-5-532-94164-9

«Ежевика Её светлости» росла в таких садах, куда почтенный человек и носа не сунет! А раз уж занесло вас, то узнаете, отчего дети нечистого хромоноги и какие злые дары получают они на рождение... Сирота Инга с раннего детства батрачила в свиарнике князя Проклятого, хоть про нее и ходили слухи, что она бастард самого князя. Когда старый князь отправился на тот свет, сын его решил всех ублюдков отца извести. Тут и спас Ингу волшебный голос, увел ее в лес. Там, в кустах колючей ежевики, нашла ее ведьма-княгиня Катэрина. Забрала в свой замок и открыла девочке, что обе они дочери самого дьявола. Назвала Ежевикой и отпустила в мир исполнять свой долг перед отцом – водить потерянных мертвецов в преисподнюю. И строго-настрого запретила влюбляться... особенно в оборотней с черными перьями и серебряной монетой в волосах.

ISBN 978-5-532-94164-9

© Фокс Ю., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Которого отца дочь?	4
Ягода чёрная, Ягода белая	28
О чёрные перья сердце своё не изрежь...	56
Теперь мы оба будем с тобой... с тобой...	91
Сова белая, а кровь красная	107

Которого отца дочь?

Ветки ежевики царапали ей лицо. Комар больно впился в макушку. Но она не смела шелохнуться, затаилась, изо всех сил стараясь не дышать. Хрустнула ветка, она зажала рот рукой, чтобы ни крик, ни всхлип не выдали её тому, кто пел:

– Инга! И-и-и-ин-га-а-а-а, не прячься, дуручка-а-а!

«Господь Вседержитель, молю тебя, отведи проклятого беса, пусть он мимо пройдёт, Господь и Дева Мария, умоляю!»

– Девочка, я найду тебя, куда бы ты ни спряталась! – ласково смеялся её брат и сафьяновым сапогом шевелил кусты дикой смородины в двух шагах от неё.

– Ну куда ты уйдёшь в моём-то лесу, а? Не дури, сестричка, ты ведь у меня одна осталась!

Девочка застыла, словно камень на морозе. Она боялась даже зажмуриться, чтобы шуршание век не привлекло его внимания. «Одна осталась», – сказал он и не соврал. Других-то всех уже извели... всех двенадцать выроdkов Его Светлости Абеларда Проклятого. Конечно, сам себя он по-другому величал, но в народе его звали не иначе как Дьяволом, Сатаной да Проклятым. И было за что. Когда господин князь скопытился, люди вздохнули с облегчением. Да только не знали они, что наследник и того лютее окажется! Первое, что учинил Адалвалф Дедерик Еремиас Эккехард, когда благородный отец его отошёл в руки Господа («провалился в самый Ад!», как говорила чернь), это разыскал всех бастардов, кто ещё в живых остался и мог единой крови с ним быть, и привёз ко двору. Душистым мылом отмыл, раздел их в шелка да меха, сладким медовым вином напоил до рвоты. За столы длинные усадил их всех при сотне свечей. И пока одуревшие, ничего слаще диких яблок в жизни не евшие щенки обоих полов хлебали ковшами драгоценное пойло и лопухими головами качали, тонувши в сахарных речах своего святого новоявленного братца, отборные псы Адалвалфовы вешали на деревьях их матерей и мотали на длинные ножи кишки их отчимов. Все их соседи видали страшную, подлую цену грехов Его Светлости

и отлично усвоили, чего стоит иметь хоть половину, но княжеской крови, не будучи законно признанным перед церковью отпрыском старого Абеларда Проклятого!

Одну лишь Ингу уберёт господин великий Случай. Не привидься ей морок ночной – не жила бы она уже!

Всю свою блёклую, чахлую жизнь девчонка прозябала в самой грязной и захудалой лачужке, гаже которой трудно было бы отыскать в целом королевстве. Мать её работала прачкой при дворе Проклятого. И это всё, что знала о ней дочь. А ещё то, что Ингу она ненавидела, обзывала «поганим отродьем», избивала мокрым бельём, поносила, на чём свет стоит. Всё мечтала, чтобы дочь сдохла где-нибудь под крыльцом и чтоб её не нашли – хоронить бы не надо было! Девчонка росла, как сорная трава на проезжей дороге, хилая. Мамаша её всё старалась почаще возле кухарки крутиться, в подружки набивалась. А попросту к выпивке поближе. Воровала она вино кислое, в котором мясо вымачивалось к хозяйскому столу. Но Инга только на той дружбе и продержалась, кухарка её подкармливала. Если б не тётушка Лизабет, никакой Инги бы давно на свете не было!

«А может, оно и к лучшему? – судорожно метались мыслишки в голове скрюченной под кустом девочки. – Слегла бы да от голодухи усохла, и не надо было б теперь на колу три дня кровищей течь, как все ублюдки князевы...» Во рту всё смёрзлось, тошнота костяной рукой схватила. Не сбежать ей, ох не сбежать!

«Но каким-то же чудом невидимым меня ото сна ночью-то сдёрнуло, а?» – едва не закричала она. Надежда пронзила, как горящая стрела, в самую дыхалку! А ну как у Господа на неё свои намерения, и не выдаст он Ингу на мучительную смерть? Ведь как дело было: спала она, умученная работой в свинарнике, на вонючей сырой рогожке у себя в тёмном углу, замёрзла по самое некуда – ночь была туманная, прохладная. Сквозь сон с силами собиралась, чтобы встать и переползти к самой мирной свинушке Мушке под горячий, уютный бок. Как вдруг будто в левую ладонь кто уколол! Заворочалась девочка, глаза открывать мочи нет, тело разламывается. Ох, только бы не рассвет... ещё один день чистить свиные загоны тяжё-

лыми лопатами, таскать неподъёмные бадьи помоев, чесать сотне здоровенных животин спины скребком... «Дай ещё хоть часок на боку провести, а больше я ни о чём и просить не осмелюсь!» – прошептала Инга и посыпалась в тревожную сонную муть, но шило в ладонь ткнулось заново, и голос позвал:

– Инга!

Так отчётливо, так властно! Вскочила девочка на ноги в одно мгновение, готовая любые понукания и приказы принять. И... никого не видит перед собой! Что за чертовщина? Проморгалась свинарка, но даже когда глаза ко тьме привыкли, никого так и не усмотрела. А голос будто бы прямиком в голову ей переместился и велит: «Не ложись теперь, а иди в самый замок! Укради кусок господского мыла да одежду по себе». Встала Инга как вкопанная. Э нет, думает, не рехнулась я тебе, чтобы за воровство руки под топор положить да потом глядеть, как мои же любимчики, самые мирные свинюшки, Мушка да Брюшка пальцы мои жуют!

«Иди и ничего не бойся! Я с тобой!» – прошептал голос, а Инга охнула и дёрнулась. Теперь будто в левую ладонь кто её уколол. Подняла она руки к лунному свету и видит засохшую каплю крови на ладони правой и свежую, блестящую, тёмную каплю на ладони левой. Сложила она было пальцы осенить себя святым крестным знаменiem, а голос в её голове насмехается: «Ни к чему оно тебе, не примут на небе от тебя прошения!»

– Это чего это? – тихонько пролепетала озябшая, как осина под мокрым снегом, Инга. «А некрещёная ты потому что! – бросил ей голос и приказал: – Двигайся! Что дальше – сама поймёшь!»

Мыло украла Инга безо всякого труда у белошвейки, которая сама его стырила у господ. Белошвейка та с конюхом по бережку гуляет, как пить дать! «Ну и дура, будешь потом, как мамаша моя, горгулья чёртова, спиваться да колошматить дитя ни в чём не повинное!» – злобно думала Инга и хотела было уже тихонько утечь, держась за стену в крошечной темноте, да запуталась в тяжёлом тряпье, развешанном вдоль той стены. «Батюшки светы, одежда! Прям как велено!» – воскликнула Инга без голоса, а наставник её невидимый в голове довольно хмыкнул. Принялась она хватать что ни попадя, а

руки будто сами знают, что хватают. Увязала всё в какой-то камзол-не камзол, чёрт его разберёт, и со всех мышинных ног дёрнула вон! Весь замок спал, ни единого шороха, кроме тех, что сами по себе случаются – то птица господская в клетке вскрикнет, то прислуга где-то в своём уголке всхрапнёт. Инга выскользнула тайным ходом, про который только дети да крысы знали. Мать её научила, что надо в шкафу с посудой отодвинуть доску на нижней полке, которой никто не пользуется, и откроется дыра, а в ней – узкий лаз. «Такой хорёк паршивенький, как ты, пролезет запросто! Да с бутылочкой для мамочки, да?» – хихикала мать, по спутанным волосёнкам отродье своё нелюбимое поглаживая. Инга, дурочка, всё пыталась любовь её заслужить. Таскала всё, что могла. Однажды утащила крестик. На полу валялся он в кухне. Откуда было знать ей, что блестящая штучечка окажется из золота, и обронила его любовница князева сынка? Этой штучкой он с новой кухарочкой рассчитался за нежные встречи тайком. Мать обрадовалась, с пьяных глаз пообещала Инге платице, вспомнила вдруг, что у неё девочка, а не просто грязный выкидыш, который сатанинской волей живой ползает! Инга сознание потеряла – с голодухи и от радости. Да поторопились они обе – и мамаша, и дочь.

Полюбовница наследникова своему мил-дружку нажаловалась. Тот без ведома отца велел прачку выпороть. И ещё сам в экзекуции поучаствовал. Да так разохотился, что половину кожи с несчастной снял. Маленькая синеглазая девочка долго потом искала, да так и не смогла найти свою пьяную, злую любимую мамочку.

Инга кралась по узкой тропинке к реке и вдруг остановилась. А ведь прав голос-то! Некрещёная она. Никто не удосужился полумёртвого младенца Господу представить. Мать наверняка надеялась, что дитятко поорёт, поорёт, да и сдохнет. А другим никому и дела не было. Даже имя ей не мать дала и не отче в купели со святой водой. Она долго не говорила, наверное, попросту не учили её, и пока сама не набралась хоть каких-то человеческих слов по углам, всё только мычала. Однажды, когда она уже ходила и даже кое-как бегала на кривых слабеньких ножках, кто-то из дворовых спросил, как, мол, её

зовут? Мать зло отмахнулась, выворачивая бесконечное, как свиные кишки, бельё в бадью, а дитя, нетвёрдо покачиваясь, икнуло:

– Йин... га... Инга!

– Инга, кочерыжка вонючая, шевелись! – шикнула она сама на себя и резво помчалась к реке. Не время вспоминать свои горести. Крестили ли, нет ли – а бог о ней знает всё! Видит её и ведёт – прямоком к воде! Отмылась она хозяйским мылом, таким душистым, что голова кружится, так бы и набила им рот! Да пробовала уже. Крючило потом три дня, кровь с желчью отовсюду лилась сгустками и ручьями...

Инга покачала головой, отгоняя пустые видения, и принялась торопливо обтираться чем ни попадя. Оказалась рубаха, белая, льняная и такая уж нежная, будто кошечку лощёную княжескую наглаживаешь! А кожа, кожа-то в свете Луны какая белая! «Это что же, моя шкурка такая фарфоровая?» – ахнула Инга и залюбовалась недоверчиво своими тоненькими ручками. «А уж не призрак ли я?» – испугалась она. – Что-то больно уж бела!» Но нет, призракам с чего бы такие муки голода претерпевать? Желудка-то у них нету, который набить себя так и просит, так и стонет пустой!

«А может, вампиром я стала? Что-то голодуха совсем уж адовая... Но крови совсем мне хочется. Дал бы кто чашечку свиной, я б не отказалась. Но чтобы прямо изводиться, как без водицы в полдень – нет такого. Значит, не упырь», – рассуждала она, натягивая неслышанно мягкие и пахучие тряпочки на свою новую, ангельски отмытую плоть. И такие они все роскошные, такие ласковые, что Инга расплакалась. Аж ноги подгибаются. Чуть в сырую траву прибрежную не осела. Но удержалась – нельзя же в таком роскошестве да в грязь!

Утёрлась рукавом и чует – надо идти! Нельзя ей здесь ночевать. «Постарайся, – сама себе говорит, – уйти, куда ноги донесут, но подальше!» Двинулась она было прочь от реки, но вернулась и своё вонючее старое рубище истасканное, унавоженное подняла. До чего же мерзкое, а? И как она в жизни не задумывалась, не понимала, в какие ремки кутается? Крысиное гнездо и то набивать таким бы не стали распоследние его жители! Подняла Инга камень да в рва-

нину свою завернула. Сморщила нос, сплюнула и зашвырнула его на середину реки. Любовно свой новый камзолчик погладила – так ей в нём тепло, так ласково! Залезть бы в брошенную барсучью нору, сухим мхом выстеленную, да и уснуть, вдыхая пыль и сладкий дух бархата... И забыть навсегда, насовсем о грязном тряпье, таком же мерзком, как вся её жизнь!

– Фу-ты, только б рыба не отравилась моими подарочками! – проворчала она и торопливо зашуршала осокой прочь, прочь!

Боль в пустом животе резала пополам и застилала глаза. Но стоило ей остановиться, как ладони протыкали горячие штыри, и выступала свежая кровь. Нельзя стоять, медлить нельзя! Можно только кусать потрескавшиеся губы и тащить себя вверх по обрыву. Дрожащими руками цепляясь за корни деревьев, задыхаясь и отплёвываясь, Инга доползла до самого верха и рухнула в мокрую от ночной росы траву. Слезы щипали изъеденное потом лицо. Так бы тут, под старым дубом, и померла! «Не хочу, не могу больше...» А неужённый злой голос тащит за шиворот. Теперь ему за каким-то чёртом понадобилось, чтобы девчонка на дерево лезла!

– Не могу, не могу я! – запричитала Инга, корчась в узловатых дубовых корнях. – Оставь меня умирать, на кой собачий хвост я тебе сдалась, а?

А сама уже последние ногти сдирает о железную кору. И даже не успела всё, что о своём дьявольском провожатом думает, высказать, а уже сидит на толстой ветке и дышит тяжело, надрывно, как больной шелудивый пес.

– Ну, и на кой... – начала было она ворчать, но замолчала, поражённая мрачным зрелищем. Вот он, замок – весь её мир, но с другой стороны, которую она даже воображать не пыталась! Стоит, громадина, скалой неприступной, тёмные стены прямо в воду речную уходят. Лениво плещутся площадки огней на башенках. «Почему не спят?» – заскребся у грудины тревожный хорёк. Вся обратилась Инга в уши и глаза: слышит, как кричат весёлые люди, смеются, переругиваясь. И лошади копытами цокают, уймища лошадей! И собаки в лае заходятся, и девчонки визжат... Да что же такое там? Ох, кажется, правильно она утекла... вовремя!

Видит Инга – сотни огней разом вспыхнули по всему двору! Даже умей она считать, не пересчитала бы! Много огня, столько, что королевство спалить бы хватило, вздумай какой злодей весь его на волю выпустить!

Прикрыла девочка глаза и чувствует, как несёт её, несёт ветром прочь от самой себя и напрямик сквозь стены неприступные. Но не страшно ей, а как-то удивительно. Вроде и она это, и не она – ни рук, ни ног не чувствует, вся будто белого пуха комок!

Вот смотрит она – во дворе собрали столы. Весёлая разряженная крестьянская молодёжь гомонит, дурная, неотёсанная. Слуги им кланяются, за столы усаживают. И так захотелось ей обратно всё тело своё голодное, чтобы оказаться среди них! Ведь там была еда! Ах, сколько еды князь выкатил... Инге бы до конца дней хватило даже половиночки от того пиршества! И к чему такая растрата? Наутро собаки да свиньи доедать будут, а ей и корки плесневелой никто не швырнёт!

Смотрела Инга, как озверевшие деревенщины на сласти и вино набросились, и уже знала, что это всё не к добру. Бежать бы вам, недотёпы, ох бежать бы, пока не поздно. Да не услышат они её, такие же голодранцы, как она сама, за миску горячего варева пальцы себе отрезать готовые!

Но что бы там их ни ждало, а зависть Ингу петлёй завязывала. Больше всего на свете хотела она сейчас оказаться среди них, жрущих, как свиньи, хохочущих! Невзирая на расплату, которую им уготовили. Так замечталась она, что провалилась в голодные сны, как в тёмный колодец. А пришла в себя от лютого крика, и плача, и мольбы, и окриков, и лая, и воя... Не хотела Инга, да схватила сама себя за голову и глазами широко распахнутыми оглядела стройные, грамотно расставленные ряды кольев. Прямо вокруг разорённых ночной пирушкой столов. А на кольях... Люди. Мальчишки крестьянские. Девушки.

Рассвет нежно расцеловывал каждую чуть живую, трепыхающуюся фигуру. Розовый свет небес переливался в кровавые лужи по всему двору. Сглотнула она пустую слюну и стала потихонечку, полегонечку с дерева вниз ползти. Есть расхотелось намертво.